

холодотическую диффузию там, где нельзя заподозрить единства идеологических позиций автора и персонажа. Так, три роковые сцены, определяющие судьбу Анны, — ее встреча с Вронским во время снежной бури на перроне в Бологом, ее состояние после того, как она отдалась Вронскому, ее поездка в Обираловку — описаны диффузно, в значительной мере через восприятие самой Анны. Также диффузно даны в авторской речи Эмма («Мадам Бовари»), Жорж Дюруа («Милый друг»), Гамлен («Боги жаждут»), Скарлет О'Хара («Унесенные ветром») и др.

Нейтрализация вымысла, отмеченная нами в произведениях, где отсутствует персонифицированный автор, частично достигается и в группе 1с. некоторыми контекстными средствами, как бы стирающими грань между пространством, где существуют персонажи, и пространством, в котором находится автор. Такими средствами являются: 1) модальность («Отверженные»); 2) заявление автора о невымысленности описываемых событий («Параша-сибирячка» Ксавье де Местра); 3) авторская ссылка на документы как реальные источники повествования, а также включение документов в текст произведения («Дон Кихот», «Квентин Дорвард», «Видение Карла XI», «Дубровский», «Израиль Поттер», «Мария Стюарт» С. Цвейга и мн. др.); 4) широкое включение в сюжетную канву общеизвестных событий и лиц (исторические романы); 5) перволичный зачин, постепенно сходящий на нет («Легенда о Монтрозе», «Лавка древностей», «Мадам Бовари»); 6) «справка» в эпилоге о том, что делают и собираются делать персонажи после окончания сюжета («Томский произведен в рот-мистры и женится на княжне Полине» — «Пиковая дама»).

Впрочем, без выхода за пределы текста мы не всегда можем отличить случаи мистификации от действительного использования подлинных материалов (ср. очень далекие по фактическому материалу и характерам действующих лиц повести м-м Коттен («Елизавета») и Ксавье де Местра («Параша-сибирячка»), которые, по утверждению их авторов, восходят к одному и тому же реальному событию). На книги о своих главных персонажах, якобы описывающие реальные факты, в равной мере ссылаются авторы «Израиля Поттера» и «Дон Кихота», но ссылка Мелвилла представляется правдоподобной, а ссылка Сервантеса на «первого летописца Дон Кихота» явно имеет такой же мистифицирующий характер, как и подзаголовок к «Истории одного города»: «По подлинным документам издал М. Е. Салтыков (Щедрин)», или как заявление автора в «Носе»: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают». Таким образом, одни и те же «контекстные средства» в одном контексте редуцируют вымысел (Г. Мелвилл, С. Цвейг), в других — усиливают его (Сервантес, Гоголь, Щедрин).

* * *

Существуют еще две модификации IIIф., которые мы назовем переходными, так как по своей семантике, обусловленной опять-таки позицией автора, они приближаются к перволичной повествовательной форме.

Структурная манифестация семантики «переходности» в этих двух модификациях весьма различна: в одной задан на поверхностном уровне образ автора, так что ее можно считать подгруппой группы 1с. (назовем ее 1п.); в другой автор эксплицитно не выражен, так что ее можно считать подгруппой группы 2с. (назовем ее 2п.).

В подгруппе 1п. персонифицированный автор заявляет о своем личном знакомстве с персонажами («Бедная Лиза», «Хаджи-Мурат») или с лицами, знавшими их непосредственно («Кирджали», «Инженеры-бес-сребреники», «Совместители»), хотя автор и не был сам действующим лицом в описываемых событиях и роль его не сводится к простой ретрансляции чужого повествования (два обстоятельства, которые превращали бы его повествование в перволичное).